

Небольшая пачка бумажек соскользнула со стального стола и разлетелась по металлическому полу.

Джексон сжал грудь, по-новому ощутив ставшую слишком знакомой боль. Он стиснул зубы и зарычал на краю стола, пытаясь не упасть со стула снова. Пламя вспыхнуло на кончиках его пальцев, оставив чёрные следы на серебристом металле.

Внезапная и выводящая из строя – такой была эта боль. А если он просил Хайоцена её ослабить, то что-то другое шло не так. Рука переставала слушаться. Или нога. Или глаз.

Сейчас он уже знал, в чём причина, но первые дни после катастрофы в Юго думал, что проклятый Безумный Демон каким-то хером его проклял.

Теперь он временами склонялся к мысли, что проклятье звучало не так и плохо. Наноботы в теле, запрограммированные пытаться его весь остаток дней? Разве это не хуже?

Он слышал от Кудесника, сумевшего заполучить несколько образцов работы Моргунова, что этих грёбанных наноботов уже множество вариаций в мире.

— Те, что на тебе, пока что худшие из обнаруженных нами, — сказал ему Кудесник по спутниковому телефону. — Они паразитируют не только на твоём теле, но и на душе тоже. Поэтому регенерация с нуля не помогает. Хайоцен невольно создаёт их вместе с новым телом.

Джексон надеялся, что Кудесник придумает решение, но пока всё, что он получил – это объяснение. Ему хотелось верить, что его лицо не выдало реального разочарования в их учёном, но вряд ли получилось. Временами просто думать было трудно, не говоря о контроле над эмоциями.

Эх. Бедный Ксандер. Ему сейчас не требовалось ещё больше давления.

Кудеснику Света и самому было тяжело с самого начала этой войны – и даже задолго до её начала. Его успех в юности с возрастом стал проклятием. Когда люди называли его «Мозгом Авангарда» или «самым талантливым объединителем после Скапы», они, вероятно, не думали о том, какой груз возлагают на плечи юного дарования.

Теперь, спустя более чем сотню лет, никто такого больше не говорил. Вместо этого они шептались за его спиной. Джексон не раз слышал разговоры о том, каким разочарованием стал «лучший и самый талантливый» в сравнении с врагами вроде Безумного Демона. Так много они говорили о том, насколько некомпетентен и высокомерен должен быть человек, которого никто из них почти наверняка не встречал.

Джексон ненавидел себя за то, что в момент собственной слабости мог добавить топлива в огонь сомнений, который и так явно пылал в Ксандере Ульсмите. Ему ведь положено быть

источником вдохновения и ободрения для парнишки, а не наоборот.

Он подавил боль. Или, скорее, её восприятие.

Разум превыше материи. Трюк, древний как само время.

За последний месяц он прошёл пятнадцать хирургических операций. Первые действительно помогали, но теперь они казались пустой тратой времени.

Вероятно потому, что первые проводил Святой Хирург, а как только Джексон начал чувствовать себя получше, тот оставил его другим. Может, этот человек и вправду его лучшая надежда.

Впрочем, Джексон не винил его за то, что он ушёл. Фэнь Фредерик – ключевое звено в успехе Авангарда в Мельмуре. Джексон не мог оставить его себе только ради собственного удобства.

К тому же, следовало учитывать Чёрную Песнь. Фэнь в ней тоже замешан. Прямо сейчас.

Или его роль уже исполнена?

Угх.

В голове снова застучало, несмотря на все усилия.

Чёрт. Малейшего ослабления концентрации хватало, чтобы вернуть боль.

Если от этого не получится избавиться, он даже не знал, что сделает.

Ну.

Впрочем...

Он ведь не верил в эту мысль на самом деле, да?

Нет, конечно. Правда была в том, что он и так знал, что должен сделать на самом деле.

Просто не хотел это принимать.

— Хватит, — сказал Джексон с закрытыми глазами и стиснутыми зубами.

Но он всё равно сопротивлялся. Конечно же. Такова его природа. Часть того, почему он такой замечательный сосуд.

— Заткнись.

Никто ничего не говорил ему. Никто, не считая безмолвного голоса, который он ненавидел всей душой, несмотря на всё дарованное им.

— Дарованное, — повторил Джексон полным ненависти голосом. — Всё, что ты мне «даровал», шло за большую цену. Не притворяйся, что это не так.

Ну, можно было смотреть на всё и так тоже. Это неправильно, но кто ж запретит?

Джексон зарычал в пустой комнате. Боль начала ослабевать, но, может быть, он всего лишь переставал замечать её за раздражением.

Голос в голове был не таким, как у жнеца. Его нельзя было отличить от собственного. От неотделимой части себя. И он понимал это. Ему нравилось притворяться, что всё не так, будто эти мысли всё ещё не принадлежат ему, но глубоко внутри он знал правду. И момент, когда он наконец поддастся, был лишь вопросом времени.

Или когда умрёт.

Зазря, скорее всего. И это будет такой пустой тратой. Особенно когда он мог так легко разобраться с этой проблемой.

Или со всеми проблемами.

Джексон сжал лоб обеими руками и попытался выровнять дыхание, как если бы это могло успокоить разум.

— Пожалуйста, — сказал он, в этот раз больше усталым тоном, чем злым. — Пожалуйста, просто дай мне немного покоя.

Но покой у него никто и так не отнимал, конечно, поэтому эти слова не имели смысла. Как часто происходило, он был своим худшим врагом.

Как бы там ни было, та часть него, что знала лучше, решила поддаться. Позволить ему вернуться в комфортное отрицание.

Ещё ненадолго.

Когда Джексон открыл глаза снова, то увидел, что сам того не замечая сполз на пол.

Угх.

Сколько времени он потерял? Оставалось только надеяться, что немного. Проверив телефон, он с облегчением обнаружил, что прошло лишь несколько минут.

Сделав ещё один глубокий вдох, Джексон поднялся на ноги.

Глухая боль всё ещё оставалась с ним, но хотя бы в голове прояснилось.

Он заметил, что бумаги упали на пол, и почувствовал небольшую радость хотя бы в том, что не сжёг ничего случайно. Это уже что-то. Небольшая надежда на то, что он получал всё больше и больше контроля над собой, пока время шло.

Впрочем, верить в эту теорию получалось не всегда. Особенно, если эти назойливые мысли становились сильнее.

Мысли Авара. Бога Огня.

Джексону пришлось многое узнать об этом своём новом пассажире. Отчасти из-за этого он решил прибыть в Интар. Работа местных архиваторов стояла на уровне даже с теми, что копили историю в Люгхе.

А ещё с этими у него отношения были получше.

Впрочем, эти архиваторы тоже могут стать не такими смиренными, если он случайно сожжёт пару бесценных томов. Чёрт, если такое случится, он сам не сможет себя простить.

Но нужно было узнать больше об Аваре, кем бы он ни был. И что в действительности означало стать «сосудом» для Изначального.

К несчастью, что бы ни удавалось ему узнать, прощше от этого не становилось. В некотором смысле было бы лучше, будь все истории об Аваре ужасными, потому что тогда хотя бы стало понятно, что делать. Но нет. В одних его изображали любящим богом всего хорошего – тёплой, воспитывающей фигурой, идущей на большие жертвы, чтобы взрастить и защитить тех, кто нашёл себя в беде.

В одной из таких историй Авар раскрыл Секреты Огня для Аруни – предположительно, первого народа человечества – научил их тому, как безопасно использовать пламя для тепла, готовки, и отпугивания страшных монстров. В ней говорилось о том, как Авар столкнулся с другими богами, решившими, что его слишком заботит человечество и что он слишком щедр и добр к

ним со своими подарками и учениями.

Но другие истории рассказывали о жестоких, полных ненависти разрушениях. О пламени Авара, сжигающем целые города за одну ночь.

Одной из таких была История о Ванве. В ней рассказывалось о жителях небольшой рыбацкой деревушки, что постоянно подвергалась нападениям и грабежам со стороны большого соседа. И когда Авар пришёл к ним – под именем Аварит – то научил жителей секрету магического огня, чтобы они могли защититься от врага своей жизни и то, что им дорого.

И они защитили. Поэтому Аварит покинул их, удовлетворённый результатом.

Но когда он вернулся через множество лет, то обнаружил, что теперь Ванва стала нападать на другие поселения. Скромная деревня превратилась в город-крепость, вооруживший свою армию магическим огнём, подаренным им.

В ярости он уничтожил Ванву, не пощадив ни одной души, даже детей.

И это только самые яркие примеры. Существовало множество других, где-то посередине, в которых Авар – или как звали его инкарнаций – не казался ни плохим, ни хорошим, скорее просто нейтральным.

Из-за этого Джексон ничего не мог понять.

Особенный интерес, как ему казалось, представляла вся эта тема с «инкарнациями».

Насколько ему удалось узнать – как из архивов, так и напрямую от своего пассажира – каждая инкарнация – это отдельный человек. У них всех свои взгляды и личности, отличающие их от тех, кто был раньше – возможно, они отличались именно из-за тех, кто был раньше.

Потому что Авар – это линия, что соединяла каждую из инкарнаций. По его словам, он помнил каждую из жизней и потому владел мудростью их всех взятых.

Мудростью, которой предлагал поделиться с Джексоном.

Единственная проблема заключалась в том, что в таком случае он нынешний исчезнет, оставив после себя новое, объединившееся со старыми жизнями существо. Новую инкарнацию.

Как именно Авар вообще оказался в его голове, Джексон до сих пор не понимал.

Чужие голоса в родной голове не были для него в новинку, но, откровенно говоря, Джексон

начинал сомневаться в том, что Авар – такой уж «новый» пассажир, как он думал поначалу.

Его начинало беспокоить, что Авар, возможно, был его безмолвным голосом уже очень и очень давно.

Возможно, даже до того, как он встретил Хайоцена и стал слугой.

Что ещё могло стать для него причиной появиться? Становление в Джезболе? С чего вдруг? Какой в этом смысл?

Хотя «смысла» в последние дни не было ни в чём.

По крайней мере, ожил этот голос именно после становления. А... воспоминания... которые не принадлежали ему... их тоже раньше не было.

Временами Джексон даже не был уверен в том, что он говорит. Как вот, буквально минуту назад, когда он сказал, что у всех даров голоса есть своя цена.

Какая цена? Что он отдал?

Ему казалось, что он знает ответы на эти вопросы, и в то же время... не мог их назвать. Будто забыл что-то, что вот-вот мог вспомнить. Но никак не получалось.

Это раздражало.

Впрочем, помогала медитация. Он пренебрегал ею годами – даже десятилетиями – но внезапно она вновь стала ему помогать.

Успокаивать. Освобождать. Предоставлять ту капельку умиротворения, в которой он так нуждался. Хотя бы ненадолго.

Да.

Да, пожалуй, Авар и вправду был с ним очень и очень давно.

Потому что столько, сколько себя помнил, Джексон всегда чувствовал кого-то ещё в своей голове. Не голос, конечно, до этого момента. Ничего настолько отчётливого. Или тревожащего.

Он всегда думал, что именно это люди называли «совестью». Нечто вроде ведущих вперёд принципов. Порой живущих отдельно от него.

Но если это так, значит, Авар и вправду добрая сила? Безмолвно помогавшая ему отличать плохое от хорошего на протяжении всей жизни?

М-м.

Было бы здорово.

Но Джексон всё ещё оставался скептичен. Чем больше он думал об этом, тем больше понимал, что дело гораздо проще – он не доверяет Авару. Как судя по народным историям, так и из самих признаний Авара получалось, что инкарнации полны недостатков.

И, конечно, вполне могло оказаться так, что это человеческая половина портила божественную, но что, если наоборот? По крайней мере, общая часть между ними всеми – это сам Авар.

Пожалуй, именно это было главной причиной того, почему Джексон так сопротивлялся. Дело не только в том, что ему не хотелось становиться другим человеком. Ещё больше ему не хотелось, чтобы этот другой человек стал новым тираном в этом бедном мире.

Потому что он знал, что может. Это более чем возможно. Было бы глупо думать иначе, думать, будто он настолько доблестный сердцем и сильный характером, что никогда не позволит себе встать на этот путь.

Чёрт, даже без угрозы объединения разумов, искушение тирании всегда велико.

К счастью, этот урок он усвоил ещё на ранних этапах карьеры в Авангарде. Серман заставил понять это на протяжении множества лекций и полевых испытаний.

— Больше всего мы должны бороться с жаждой завоевания, — сказал Кристаллический Титан однажды. — На этой дороге лежат сладкие песни и чарующие призывы. К разуму. К эмоциям. К эго. К простоте. Даже к традиции. Но они лежат там не для нас. Мы – защитники. Мы те, кто выступает против завоевателей и говорит им, что мир им не принадлежит. И если забудем это, то будет лишь вопросом времени, когда мы станем теми, с кем боролись.

Джексон верил в эти слова всем сердцем. В их важность. И в их реальность.

На протяжении жизни он не раз слышал «зов», про который говорил Серман. Искушение просто... решить всё своими руками.

Чувствовал он, что частично за это стоило винить сложность мира. Когда всё проваливалось в беспорядок. И рутину. Когда сил не оставалось, появлялось искушение сделать всё «проще».

Он не хотел представлять, насколько сильнее станет искушение после становления одним целым с «богом».

Его это не нуждалось в таком бонусе. Скромность и так становилась почти недостижимой.

Впрочем, нынешние обстоятельства в этом определённо помогали. Таким жалким он себя давно не чувствовал.

Конечно, ему никогда не хотелось быть частью Чёрной Песни, но ещё меньше он хотел застрять здесь, пока остальные с таким трудом сражались.

Теперь, когда столько из их лидеров схватили, отрицать значение Чёрной Песни уже не получалось. Если всё пройдёт неудачно... если они потерпят ещё одно крупное поражение...

Волноваться не придётся.

Избавление смешают с грязью. И не только Авангард.

Джексон моргнул. Откуда появилась эта мысль? Это был Авар?

Хотя было так глупо пытаться разделить его мысли и свои. Это просто информация, и она уже здесь. На виду. Если только он позволит себе увидеть...

Джексон замотал головой, обрывая мысль. Достаточно.

Он вернулся к документам. Нужно было ещё немало прочитать. К счастью, даже в нынешнем состоянии он приносил пользу.

А ещё эта работа успокаивала. Наверное, потому что за все эти годы он так и не перестал любить своё первое призвание. Бухгалтерию. Скорее наоборот, его страсть к красоте тщательной организации документов лишь росла с возрастом – часто к огорчению подчинённых и товарищей.

Где остальные видели надоедливую рутину, Джексон созерцал медленный, чудесный марш к идеалу. Возможно, настолько медленный, что не всегда удавалось приблизиться, но ничего. Сам по себе стабильный прогресс приносил удовлетворение.

За века жизни ему так и не удалось понять, почему так редко встречались люди вроде него. Так много товарищей хотели наплевать на правила, потратить время на «более важные вещи» – или какие угодно вещи.

А ведь именно это заставляло всех нести ответственность за свои действия. Именно на этом всё работало.

Лишь немного было важнее этого. А может, и вовсе ничего.

Они принимали логистику в этой войне за должное. А он был рад, что может лично проверить и убедиться во всём.

Он верил, что офицеры делают свою работу достойно – хотя бы потому, что принял или повысил почти каждого из них лично – но время от времени всё же стоило брать всё в свои руки. Иначе можно было потерять хватку.

А в этом конкретном случае бумажная работа помогала ему увидеть войну с лучшей перспективы, чем была у кого угодно ещё в этом мире.

На данный момент в лучшем положении, с логистической точки зрения, находился оборонительный фронт северного Мельмура против Остры, хотя южный оборонительный фронт Коррико не сильно отстал.

У общества сложилось мнение, что это почти целиком заслуга Святого Хирурга, и судя по докладам, он этого заслуживал.

Вообще, большинство докладов оттуда были подписаны Фэнем лично. Джексон заметил ещё и множество копий писем, написанных от руки им лично и сейчас лежащих среди кучи документов. В каждом были детальные планы того, куда он со своими людьми планирует отправиться, а также, что и когда они собираются там сделать. А заодно он расписывал передвижения врага, их количество, и доступ к местным ресурсам.

Особенно его беспокоила нефть. И неспроста, конечно. Этот регион всегда славился своими запасами, поэтому удержание Избавления от источников нефти – вполне понятный приоритет.

Довольно скоро Джексон задумался над вопросом о том, откуда Фэнь получает свою информацию. Как правило, такие подробные данные были признаком работы врубелей – и то, только до тех пор, пока их не заметят враги.

Но у Фэня не было врубелей. По крайней мере, на тот момент. Джексон отправил ему одну команду, после чего доклады стали ещё подробнее.

И... поэтому он хотел услышать от этой команды доклад на самого Фэня. Чтобы узнать, каким образом Святой вытворял не такие и неприметные чудеса.

О, который уже пришёл. И немало его удивил.

Фэнь каким-то образом заработал престижный статус среди Старых Наблюдателей.

Знаменитый анклав жнецов. Вернее, самый знаменитый, частью которого мечтали стать многие жнецы всего мира.

И Фэнь использовал этот статус в качестве рычага, чтобы вытаскивать жнецов Избавления под обещанием, что однажды и они смогут присоединиться к ним.

Собирался ли он сдержать это обещание, Джексон не знал. Старые Наблюдатели были известны на протяжении истории по множеству причин, не меньшая из которых – их привычка изгонять людей из своего сообщества.

Любопытные ребята, иначе и не скажешь. Не раз и не два на их репутацию выливали ушаты помоев, обычно от бывших членов, пытающихся вернуться в строй или просто отомстить.

Не так давно, на самом деле, люди начали сомневаться в том, существуют ли они вообще. Кто-то пустил слух, что всех Наблюдателей истребили – притом, сделал это какой-то из других анклавов, с которыми они уже много веков враждовали.

Впрочем, каким бы ни становилось общественное мнение о них, меньше они не завлекали. Чёрт, возможно, временами они из-за этого начинали завлекать даже больше.

Джексон не мог сказать, что понимает тех, кто того желал, но он ведь никогда не посещал их лично и не видел ничего своими глазами. Только слышал о всех чудесах, которые они якобы держат у себя.

Библиотеки и дискуссионные залы. Исследовательские институты и театры. Бассейны эфирной воды, в которой даже жнецы могли купаться и наслаждаться. А ещё бессчётные секреты, в которые не были посвящены даже исключённые члены.

Хайоцен, впрочем, был одним из не слишком впечатлённых жнецов.

— «Даже если половина рассказней о них – правда, — сказал жнец однажды, — то их изоляционизм – самое жестокое оскорбление для остального мира. Удержание таких интеллектуальных богатств исключительно для себя не служит ни единой цели, кроме той, чтобы делать меньшинство богаче за счёт большинства»

С другой стороны, Хайоцен произошёл из враждебного им анклава, поэтому его взгляды не слишком удивляли.

— «Более того, — продолжил жнец тогда, — их эксклюзивность необычайно даже по стандартам анклавов. Кому от неё становится лучше? Точно уж не миру. Весь смысл анклавов в том, чтобы предоставлять безопасную обстановку для семей жнецов и воспитывать новые

поколения для увеличения нашего беспрестанно сокращающегося количества в мире. Но если они никогда не покидают анклав, то не служат никакой цели вообще»

Каким образом Фэнь заполучил их милость, Джексон очень сильно хотел знать. Если, конечно, он её заполучил. Святой не из тех, кто часто лгал, но в таком деле даже ему было трудно поверить.

А вот если это всё же ложь, то какой бы карточный домик он там ни строил, долго ему не протянуть.

Так что Джексон очень хотел посмотреть на развитие событий. Только надеялся, что слишком большой катастрофы не случится.

Как бы там ни было, это проблема другого дня. Остальные фронты требовали большего внимания.

Оборона Хосса, в частности, началась с полной жопы. Смерть Карсона – удар, который ещё не скоро получится забыть, даже если Кейн с Грантом в итоге смогли вернуть всё под контроль. Теперь, когда силы Джеркаша были вырваны с корнем, возможно, спасён не только Хосс, но и Кавия.

Впрочем, делать последнее заявление Джексон не спешил.

Джеркаш удерживал Кавию месяцами. По всем докладам он со своими людьми свободно правил столицей и творил всё, что хотел.

Хотя вполне могло быть, что всё то время они просто праздновали победу, Джексон уже довольно давно знал Джеркаша. Этот человек не упускал возможностей.

По этой причине Джексон особенно тщательно следил за этой территорией, постоянно поддерживал контакт не только с Кейном и Грантом, но и со множеством их людей.

Хотя эти двое не всегда были за это благодарны. И он прекрасно понимал причину. Особенно в последнее время. Его товарищам не нравилось, когда он вёл себя как их начальник и командовал людьми, которые подчинялись им.

Что странно, впрочем, его печальное состояние в этом отношении помогало. Он заметил, что эти двое, пусть немного, но стали терпимее к нему. Вероятно, они поняли, что в таком состоянии ему не узурпировать их власть.

А может просто беспокоились за него. Какими бы придурками они ни были, иногда так легко забыть, что эти двое – его самые старые друзья.

Как же странно.

Весь ванталэйский фронт войны был очень любопытным. Хотя он не мог сказать, что Грейвс где-то поступил не так, у них там началась полнейшая неразбериха, за которой даже уследить не получалось. Не говоря о том, что ни один другой маршал не относился к документам так же пофигистично, как Грейвс.

Джексон не помнил, сколько раз упрекал его за это и скольких секретарей назначал ему для помощи в управлении, по сути, всем, но это никогда не приносило пользы. Ему, пожалуй, в жизни не встречались менее организованные люди. Каким образом его отряд вообще хоть с чем-то справлялся – было совершенно непостижимо.

Но из тех редких докладов, которые люди Грейвса всё же отправляли, получалось, что Ванталэй почти освобождён. Избавление было практически выкорчевано, когда Грейвсу удалось истребить там все силы Вандерберка. К несчастью, сам Проныра всё же смог сбежать из-за вмешательства Говиса в последнюю секунду.

Как и всегда, передвижения Монстра удивляли. Джексон не представлял, когда этот рептилий сын наконец хоть что-нибудь сделает. Он так долго скрывался от остального мира, что все про него забыли.

А теперь снова залез на главные страницы всех газет – даже если журналисты пока не знали, что причиной всех извращений был именно он.

Джексону было особенно больно из-за того, что он оставался в стороне. Возможно, именно поэтому Говис решил действовать.

Наверное. Скорее всего, Моргунов ему что-то сказал. Или он просто знал. Этим своим раздражающим способом.

Джексон знал, что лучшим вариантом будет прекратить думать об этом. Каждый раз, как он позволял себе задуматься о Монстре, искушение становилось сильнее. Тот внутренний голос, уговаривающий всё отпустить. Принять силу Авара и сделать мир правильным.

Мгх.

Скотина.

Появиться именно сейчас. Их новый поединок ждал слишком давно.

Нет. Нужно успокоиться.

Пока хуже всего досталось Саиру, и виной этому был он сам. Его попытки перестроить оборону Мокроземья прошли неудачно. У них просто не хватило людей, способных вести солдат за собой. А без них поддерживать баланс между защитой гражданских, построением линий связи, созданием линий поддержки, и попытками атаковать слабости врага – было чертовски трудно.

Откровенно говоря, впечатляло уже то, что Саир до сих пор не захватили. Не считая пары едва значимых побед тут и там, оставшиеся силы Авангарда находились в постоянном отступлении. Джексон не понимал, почему Кровавый Глаз не давит сильнее. Его будто кто-то отвлекал.

Может, сэндлорды? Доклады о них не были щедры на детали, но вряд ли их удалось победить так быстро и легко. Возможно, они до сих пор устраивали им ад.

Если бы только разведчики могли связаться с ними. Просто подтверждение того, что они ещё живы, сейчас бы значило так много.

У сэндлордов была такая длинная и насыщенная событиями история. Мысль о том, что они могли исчезнуть из-за его собственной слабости...

Угх.

Он снова терял рациональность. Начиная думать, что тяжесть всего мира лежала на его плечах. Как глупо. Мир – гораздо более сложное место.

И в то же время нет. Потому что, ну реально, если ему было интересно, где они находятся, он мог бы начать задавать правильные вопросы.

Что?

Да. Правильные вопросы. Миру.

Нет.

Авару.

Он зарычал.

Его упёртость никому не помогала, уж точно не невинным людям, которых он так хотел защитить. Если была в его убеждениях хоть доля правды...

Стук в металлическую дверь вывел его из размышлений.

— В чём дело? — спросил он громко, пытаясь сохранить ясность хотя бы в голосе.

— Сэр, эм, сенатор Джекобсон желает вас видеть.

Он моргнул. Джекобсон? Без предупреждения? Впрочем, толку об этом думать? Хотя он уже вышел из фазы, в которой беспокоился случайно навредить людям вокруг себя, но ещё точно не достиг уровня, на котором мог принимать гражданских гостей.

— Скажи ему, что я очень извиняюсь, но пока не могу принимать гостей.

— Эм, он, как бы сказать, очень настойчив, сэр...

Джексон потёр лоб. Ладно, может, всё будет в порядке.

— Чего он хочет?

— Говорит... что «обсудить внешнюю политику».

Вот чёрт.

Не первый раз политический лидер стучался в его дверь, и были времена, когда он чувствовал себя вполне комфортно в кругу таких людей.

С тех пор прошло много времени. Даже не учитывая его спорное психическое состояние, он чувствовал себя слегка отвыкшим от такого.

Но это имя? Джекобсон? Уследить за всеми сенаторами Интара было довольно трудно, особенно из-за того, что большинство из них занимали посты не больше пары лет, поэтому тот факт, что он узнал имя, о многом говорил.

Джексон глубоко вдохнул.

— Ладно,пусти его.

— Так точно, сэр.

Может, он поступал глупо. А может, это была именно та перемена, что ему сейчас требовалась. Сказать наверняка не получалось.

Когда дверь открылась, то внутрь вошёл мужчина средних лет в дорогом костюме, галантно

улыбающийся Далиле, секретарше Джексона.

— Спасибо, что приняли меня, хоть я и явился без предупреждения, — сказал сенатор, протянув руку. — Я знаю, насколько вы сейчас заняты, ребята.

Джексон не забыл о манерах и принял рукопожатие.

Вы, «ребята», он сказал? В последние дни все эти политики были хорошо знакомы с Авангардом, но у Джексона личные встречи с ними в привычку не входили. Обычно он оставлял это дело своим людям.

Большинство из которых, впрочем, сейчас были заняты войной либо находились в плену.

— С Вашей стороны тоже довольно необычно приходить без предупреждения, нет? — спросил Джексон.

Мужчина беззаботно засмеялся:

— Можно сказать и странно, да. А можно сказать настойчиво. Я уже несколько месяцев пытаюсь устроить встречу с Вами, а в последние две недели приходил почти каждый день, надеясь случайно на вас наткнуться.

Это было новостью для него:

— Серьёзно? Моя секретарша ни о чём таком не сообщала.

— Правда? Уверен, она должна была меня видеть. И звонки моей команды точно принимала.

— Хм-м, — прогудел Джексон. — Возможно, мне стоит поговорить с ней об этом позже.

И, возможно, повесить.

— Ой, только не будьте к ней слишком строги из-за меня. Уверен, она просто немного забывчивая.

Теперь засмеялся сам Джексон:

— Как благородно с вашей стороны.

Он жестом пригласил мужчину к столу, чтобы они оба могли сесть.

Какое старое и знакомое чувство. Эта самодовольная вежливость. Никакой правды снаружи, только красивые обёртки лжи.

Политики. Впрочем, он и сам наверняка считался одним из них.

Может, он не так отвык, как думал.

— Она сказала, что вы хотите поговорить о внешней политике, — напомнил Джексон.

— А, сразу к делу. Я только рад. Да, сэр, мне бы хотелось обсудить вопрос так называемой Второй Континентальной Войны, среди прочих вещей.

— Звучит как длинный разговор.

— Вполне возможно, вполне. Хотя – вернее сказать «кстати» – насколько вы знакомы с официальной позицией Интара в отношении этой войны?

Ему пришлось задуматься ненадолго. Ответ был слишком очевидным, поэтому он подумал, что мог что-то упустить.

— Официально вы настроены нейтрально, верно?

— Да, но... все знают, что это не совсем правда, раз мы предоставляем значительную поддержку одной стороне. И давление стремительно приближается к точке, после которой мы будем вынуждены... сделать заявление в отношении нашей реальной позиции, так или иначе.

— Понятно.

После этих слов Джекобсон начал колебаться.

Но Джексон просто ждал. Он не видел, каким образом это может иметь отношение к нему, как и не собирался гадать – по крайней мере, пока.

Джекобсон глубоко вдохнул и покачал головой, после чего вновь улыбнулся:

— Наверное, Вам кажется, что я всё хожу вокруг да около, поэтому позвольте быть откровенным, господин Джексон. Я считаю, что добиться... общественной поддержки будет проще, если Авангард примет более заметную роль в глазах людей.

— Заметную, — повторил Джексон без эмоций.

— Да. И поверьте мне, сэр. Я понимаю, как звучат мои слова, особенно для человека ваших лет. Болтовня избалованного невежды. Или... я даже мог показаться Вам оппортунистом, досаждающим ради внимания. Но клянусь: всё, чего я хочу, так это завершить войну как можно скорее.

Как благородно.

— Были времена в прошлом, когда мы принимали роль, на которую вы намекаете, — сказал Джексон.

— О, я знаю, сэр. История вашей легендарной организации была очень интересна мне с самого детства.

— В таком случае, полагаю, вы должны знать, почему мы больше так не делаем.

— Да, мне известно множество аргументов. И контраргументов тоже. Которые я с радостью назову, если позволите.

О господи. Ну началось. Ему пришлось сдержать вздох.

— Чувствую, мы оба сохраним немного времени, если я просто скажу «нет».

— Время сохраним, да, а как насчёт жизней? По-моему, сейчас это – наибольшая проблема.

— Со всем уважением, сенатор, но если вы считаете, что всё так просто, то вы действительно избалованный невежда.

— Ха-ха. Конечно, всё не просто. Вовсе не просто. Но всё равно важно. Я полностью понимаю Вашу обеспокоенность, сэр. Вы не хотите вновь стать шестерёнкой раздувшейся империи, или чтобы вашу репутацию растоптали какие-либо бюрократические контракты.

— Что ж, в прошлом, нам больше проблем доставляли военные контракты, но да, это одна из проблем.

— Да, действительно, вы правы. Но я здесь не для того, чтобы попытаться взять вас под крыло. Нет, я считаю, что Авангард – замечательная организация как есть. Независимая от любых государств. Не обязанная никому, кроме себя. Что я предлагаю сэр, так это просто внимание. Глаза. В этой вашей войне.

Бровь Джексона невольно опустилась:

— Давайте на мгновение забудем, что это усложнит все наши жизни, и Вы скажете... зачем Вам это? Что Вы получите, если расскажите публике о наших операциях?

— Я? — Джекобсон замолчал на секунду, как если бы он действительно не ожидал такого вопроса – что явно было просто игрой. — Ну... эм... хм-м. Думаю, если всё пройдёт гладко – на что я надеюсь – то мне может достаться честь того, кто принял решение публичности, но это едва ли имеет значение. Особенно потому, что никогда не стоит надеяться, что всё пройдёт гладко. Откровенно говоря, это почти наверняка лишь доставит мне политических проблем.

Вот теперь Джексон был по-настоящему озадачен:

— Теперь Ваши мотивы мне ещё менее понятны. Не хотели бы пояснить, сенатор?

Джекобсон поднял обе руки и слегка кивнул:

— Понимаю, справедливое замечание. Но я не знаю, как объяснить свои мотивы, не показавшись слишком импульсивным, праведным дураком. Или лжецом. Поэтому... — Он почесал подбородок. — Думаю, мне не стоит и пытаться, лучше Вам самому принять решение.

Джексон просто ждал.

— Эта ваша война, — продолжил сенатор, — довольно редкая. Такие как эта... такие бывают только однажды. Подобное не о многом можно сказать. Мир – беспорядочное место, и частенько можно найти достойные аргументы по обе стороны любого конфликта. По крайней мере, так считают современные жители Интара.

А. Наконец-то Джексон начал понимать, на что тот намекал.

— Если мы сможем показать людям правду этой битвы, храбрых мужчин и женщин, участвующих в войне, сам факт того, что справедливость на вашей стороне, то, как я считаю, жители Интара изменят своё мнение с поддержки нейтралитета на благородность вмешательства. Тогда мы быстро придём к общему мнению. Ради всего Элоа.

Взгляд Джексона ушёл от сенатора куда-то вдаль, но он всё равно кивнул с пониманием. Откровенно говоря, ему не стоило отказываться от такого предложения, какими бы он ни считал обстоятельства. Говорил ли Джекобсон правду насчёт своих намерений, значения не имело – или практически не имело, если на кону стояла полная поддержка Интара.

Его останавливал только тот факт, что было немного поздно. Нужна ли им сейчас такая поддержка? Чёрт, да и получат ли они хоть что-то раньше, чем война закончится?

Кроме того, это означало, что его людям придётся защищать журналистов, следующих за ними по полю боя. Если только сенатор не придумал что-то ещё. Джексон подумал, что это,

пожалуй, требовало первоочерёдного ответа.

— Как именно вы хотите «показать правду этой битвы» своим людям?

— О, у меня много идей на этот счёт. Команды операторов, например. Они будут ключевыми в съёмках того, как оно на самом деле там происходит. Ещё нанять команду опытных документалистов не помешает. Нужно не только показать, что там творится, но и организовать из этого ясное послание. В-третьих, я бы попросил Вас назначить кого-нибудь лицом Авангарда. Возможно, даже нескольких людей. Небольшая команда представителей, способных на регулярной основе встречаться с обычными гражданами и отвечать на их вопросы. Появляться на телевидении и всё такое. Возможно, у Вас уже есть кто-нибудь на уме? Люди, которые хорошо чувствуют себя под светом прожекторов?

Действительно, несколько человек сразу пришли на ум. Но он не собирался называть их так скоро:

— А что будет, если Вы всё это организуете, запустите паровоз в движение, а война неожиданно закончился, через неделю, например? Или завтра, чисто гипотетически?

Джекобсон засмеялся:

— Едва ли это меня разочарует! Такое быстрое решение конфликта? Думаю, это нужно будет отпраздновать! А там и над публичным имиджем поработаем!

А.

Ну да.

Этот мужик был политиком что надо.

Джекобсон засмеялся ещё, прежде чем продолжить:

— Простите, если я выстраиваю слишком много предположений, но у меня появилось такое странное впечатление, сэр, что Вы будто бы не до конца понимаете, насколько любопытно публике узнать о Вас и ваших людях. Но, конечно же, я ошибаюсь, да? Могу только представлять, сколько подобных предложений сделать кино из легендарных операций Авангарда вы получали на протяжении лет от людей Белвиля или Ветряных Долин. Просто мне всегда было любопытно, почему таких фильмов не очень много. Вы всё время отказываете им? Если так, то, должен сказать, это печально.

Чёрт, умел этот парень уговаривать.

— С этим у нас в прошлом тоже были проблемы. Поэтому наша нынешняя политика – это прямой отказ.

— Ага, понятно. А что за проблемы, если позволите спросить?

— Дезинформация. Киноделам частенько удивительно плевать на правду. Как правило, для них важнее развлечение зрителей. Что вполне нормально в вымышленных историях, но не тогда, когда моих людей демонстрируют миллионам, а то и миллиардам людей.

— Я полностью понимаю это. Вы защищаете своих товарищей. Как любой достойный командир. Но я клянусь, что не держу ни к Вам, ни к Вашим людям, ничего, кроме высочайшего уважения. Пока я в строю, такого не повторится.

Джексон поднял бровь:

— Слишком фанатичные кадры могут принести свои проблемы. Некоторым нравятся приукрашивания, другим – нет. Что может навредить боевому духу. Поднять вопрос зависти, к примеру. Не говоря о том, что если цель в том, чтобы проинформировать публику, то обоготворения и лжи в кадрах быть не должно.

Глаза сенатора открылись немного шире, хотя он и продолжал улыбаться:

— Похоже, опыт в медиаиндустрии оставил на Вас большое впечатление.

— Можно сказать так. А можно сказать, что мне просто не нужно ещё больше головной боли.

— Ох, пожалуйста, не говорите так. То, что даже здесь, в Интаре, Авангард не превозносят по заслугам – настоящее преступление. С этим что-то нужно сделать.

— М-м.

— Вы не находите, что отношения между вашей организацией и правительством Интара немного... грустные и жалкие?

Сильные слова. Джексон решил не отвечать сразу.

— Возможно, даже немного паразитические? — продолжил Джекобсон. — Вы так много работаете и не получаете за это ничего. По крайней мере, не получаете достаточно.

— Мы это не ради любви делаем.

— Конечно же. И это очень многое говорит о Вашем характере. Но скажите мне. Разве это не порождает злобу среди ваших рядов, когда они так много делают для спасения мира, регулярно ставят жизнь на кон, пока моё государство, например, не делает по сути ничего? Сидит на жирной заднице и наблюдает, как вы тушите пожары по всему миру?

Что ж. Прямых возражений у Джексона не нашлось. Если говорить с точки зрения боевого духа солдат, то лень всевозможных правительств по всему миру всегда была одной из причин раздора в Авангарде.

Однако дело сейчас было не в этом.

И единственные слова, что приходили ему на ум, исходили от человека, которого он уважал больше любого другого в этом мире.

— ...То, что мы вызвались действовать ради этой цели, не обязывает других поступать так же, — сказал Джексон. — Считать иначе — значить открыть путь бесчестью, коррупции, и саморазрушению. А этого и так хватает.

На это сенатор Джекобсон не ответил. Он только смотрел в ответ так долго, что Джексон подумал, что случайно убил весь их разговор.

Но через некоторое время новая улыбка начала расти на губах сенатора, а звёзды вернулись в его глаза:

— Я знал, что Вы настоящий мужчина.

Губы Джексона, с другой стороны, растянулись в линию из-за отдалённого, но пугающего впечатления, что какие бы слова и речи он здесь ни использовал, этот человек никогда и ни за что не сдастся.

<http://tl.rulate.ru/book/1701/3461018>